

18+

Арсения Костромская

**Соль и кровь. Книга
2. Карта семи мелей.**

«Автор»

2026

Костромская А.

Соль и кровь. Книга 2. Карта семи мелей. / А. Костромская — «Автор», 2026

За Стеной Штормов, вечной полосой урагана на западном краю мира, лежит Пустошь — архипелаг, которого никто не видел четырёхста лет. Говорят, там леса, зерно и нетронутые лагуны. Говорят, тот, кто найдёт туда проход, станет богаче Короны. И говорят, что проход есть: семь мелей, семь поворотов, одна карта, разорванная пополам. Умиравший контрабандист, старый друг казнённого отца, отдаёт Иссе Корвен половину Карты Семи Мелей. Вторая хранится на острове Крааль, в храме из раковин, у островитян, которые молятся морю. Но о Краале уже знает Вейрон Чёрный Трал — один из Пятёрки Братства, охотник на русалок с мёртвой жемчужиной на шее. Гонка начинается. Летний шторм заставит юную Ниму впервые выпустить свой дар в полную силу. Говорящая с водой потребует от Иссы провести ночь в чёрной башне и рассказать, что она слышала в темноте. А в лагуне Крааля из воды поднимется старый знакомый — русал Каэрон, посланный отцом за той же картой. Им снова придётся договориться. Только на одно дело.

© Костромская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сальтмар	6
Чёрный Трал	11
Он	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Арсения Костромская

Соль и кровь. Книга 2. Карта семи мелей.

Глава первая

Сальтмар

В Сальтмаре не было улиц. Были каналы.

Город стоял на сваях посреди мелкой тёплой лагуны, и сваи эти забивали в дно четыреста лет подряд, каждый век по-своему: сначала из чёрного железного дерева с Кольца, потом из северного дуба, потом из чего попало. Над сваями росли дома — один на другом, второй этаж шире первого, третий шире второго, так что наверху крыши почти сходились и над каналами оставались только узкие щели неба. Внизу, в тени, по зелёной воде скользили лодки. Сотни лодок. Тысячи. Плоскодонки торговцев, узкие гондолы магистров, рыбацьи челноки, водовозы, мусорщики, почтовые ялики под косым парусом. Всё это кричало, звенело, плескало вёслами, ругалось на семи языках и пахло так, как пахнет город, в котором сорок тысяч человек живут над собственной канализацией: жареной рыбой, пряностями, смолой, гнилью и деньгами.

Деньгами в Сальтмаре пахло сильнее всего. Исса не знала, как это объяснить, но это было так. Тибо говорил, что это запах чернил, — в Сальтмаре все всё записывали. Гардт говорил, что это запах страха. Нима не говорила ничего, потому что в Сальтмаре вообще старалась не открывать рта.

Они шли по Рыбному каналу на шлюпке, вчетвером: Исса на руле, Гардт и Пип на вёслах, Тибо на носу — показывал дорогу. Тибо в Сальтмаре родился, и Сальтмар это помнил. Каждые сто саженей кто-нибудь кричал ему с балкона или с лодки: «Косой! Живой ещё?» — «Живее тебя!» — «А должок?» — «Какой должок? Не знаю никакого должка!» — и Тибо махал рукой, и улыбался, и Исса видела, что левый его глаз, косой, обшаривает балконы, лодки, тёмные проёмы между сваями быстрее, чем правый успевает улыбнуться.

— Налево, — сказал Тибо. — Под мостом. Потом третий проход направо, где бельё.

Белья в Сальтмаре висело везде, но Исса не стала спорить. Она повернула под мост.

* * *

Записку принесли на «Вдовью Долю» вчера вечером, когда шхуна только встала на рейде. Мальчишка-лодочник, грязный, с ободранными коленками, подогнал свою скорлупу к борту, крикнул: «Капитану Корвен!» — и, получив медяк, сунул Пипу свёрнутый клочок бумаги. Почерк был старческий, дрожащий, с кляксами:

«Исса. Это Мерро. Сивый Мерро, помнишь? С твоим отцом ходили. Я умираю, лекарь говорит — неделя, но он врёт, ему за неделю заплачено. Приходи. Канал Луковиц, дом с синей дверью, наверх. Есть что отдать. Отцово. Не тяни».

Исса помнила Сивого Мерро. Смутно — как помнят запахи из детства. Широкий, седой, с белой, совсем белой бородой, хотя тогда ему было, наверное, лет сорок. Он приходил к отцу на корабль, они сидели в каюте, пили, смеялись так, что тряслась переборка, и Мерро всегда приносил ей что-нибудь: ракушку, леденец из Сальтмара, однажды — живого краба в банке, который ночью сбежал и которого так и не нашли. Потом он перестал приходить. Потом отца повесили. Про Мерро Исса не вспоминала двенадцать лет.

— Он правда с твоим отцом ходил? — спросил Пип, налегая на весло.

— Правда.

— А чего он тогда... ну. Не приходил?

Исса не ответила. Гардт, сидевший на соседней банке, коротко глянул на Пипа, и тот замолчал.

Она знала, почему Мерро не приходил. Все, кто ходил с отцом, перестали приходить, когда отца взяли. Не потому, что были трусы. Потому что Корона вешала не только тех, кто возил зерно, но и тех, кто с ними пил. Это было правильно. По таблицам.

* * *

Дом с синей дверью стоял в самом конце канала Луковиц, там, где канал упирался в глухую стену склада и превращался в тупик. Дверь была не синяя — когда-то, может, и была, — а серая, облезлая, с пятнами плесени. Над дверью, на втором этаже, на балконе, сидела старуха и курила трубку.

— К Мерро? — спросила она, не вынимая трубки.

— К Мерро.

— Наверх. Он ждёт. Вчера ещё ждал. — Старуха выпустила дым. — Вы быстрее. Он долго не протянет.

Лестница была узкая, крутая, без перил, и Гардт поднимался по ней боком, задевая плечами стены. На самом верху, под крышей, была дверь. Исса толкнула её.

Комната была маленькая, как её каюта. Окно — одно, круглое, как иллюминатор, — выходило на канал, и через него падал зелёный, водяной, колышущийся свет. Пахло лекарствами, мочой и почему-то морем — сильнее, чем снаружи. На койке у стены, под грудой одеял, лежал человек.

Исса не узнала его. Она думала, что узнает, — по бороде, по смеху. Но человек на койке был маленький. Высохший, как рыба на солнце. Борода — белая, да, но редкая, клочковатая, и сквозь неё просвечивала жёлтая кожа. Глаза глубоко провалились. Руки поверх одеял — как птичьи лапы.

— Исса, — сказал человек. Голос у него был сиплый, со свистом, будто в груди у него вместо лёгких были дырявые мехи. — Иссушка. Выросла.

Так её называл только отец. И, оказывается, Мерро.

— Дядька Мерро, — сказала она.

Он засмеялся. Смех перешёл в кашель, долгий, страшный, с бульканьем, и Исса стояла и ждала, пока он откашляется, и не знала, куда девать руки. Гардт за её спиной неподвижно стоял в дверях, загораживая собой весь проём. Пип выглядывал у него из-под локтя. Тибо остался внизу — сказал, что у него аллергия на умирающих, и сел на ступеньку курить со старухой.

— Садись, — сказал Мерро, отдышавшись. — Там, на ящик. Стулья я продал. Всё продал. Кровать вот не продал, на ней помирать удобнее.

Исса села на ящик.

— Ты, говорят, Зубы прошла, — сказал Мерро. — С фрегатом на хвосте.

— Говорят.

— Мы с твоим отцом тоже прошли. Один раз. — Он закрыл глаза. — Я после этого месяц пил. А он — нет. Он сел и нарисовал их на карте. Вот такой он был, твой отец. Другой бы запил. А он — нарисовал.

— Я знаю. У меня эта карта.

— Знаю, что у тебя. — Мерро открыл глаза. Они были мутные, с жёлтыми белками, но в самой глубине, в зрачках, что-то ещё горело. — Я тебе не про ту карту. Я тебе про другую.

* * *

Он заставил Пипа вытащить из-под кровати сундук. Сундук был маленький, обитый жёстью, с висячим замком. Ключ Мерро носил на шее, на верёвке, рядом с медным кругляшом — образком Пряхи Течений. Пальцы у него тряслись, и он долго не мог попасть ключом в замок, и Исса не стала помогать. Она знала, что он не позволит.

Наконец замок щёлкнул. Мерро откинул крышку. Внутри было пусто — почти. На дне лежал свёрток. Кожаный, тёмный, обвязанный шнурком.

— Возьми, — сказал Мерро.

Исса взяла. Свёрток был лёгкий. Она развязала шнурок, развернула кожу.

Внутри была бумага. Плотная, старая, жёлтая по краям, сложенная вчетверо. Исса развернула её на коленях.

Это была карта. Половина карты — левая часть, неровно оторванная посередине, так что правый край был зубчатый, как пила. На ней было море. Острова — мелкие, много, — и над ними, выше, через всю ширину листа, шла широкая полоса, заштрихованная косыми линиями. Густо. Плотно. Так плотно, что бумага в этом месте была почти чёрной от туши.

Исса знала, что это за полоса. Её рисовали на всех картах — на коронных, на лиговых, на пиратских, даже на детских, которые продавали на рынке в Сальтмаре. Она проходила по западному краю мира, с севера на юг, и за ней не было ничего.

Стена Штормов.

А через неё — через чёрную штриховку — шла линия. Тонкая, извилистая. С пометками на каждом повороте. Семь поворотов. И у каждого — цифра, маленькая, аккуратная, в кружке: глубина. И слово — на языке, которого Исса не знала. Не коронный. Не лиговый. Какие-то закорючки, похожие на волны.

Линия обрывалась на зубчатом краю. На середине Стены.

Исса подняла голову.

— Карта Семи Мелей, — сказал Мерро. И снова засмеялся, и снова закашлялся.

* * *

Про Карту Семи Мелей Исса слышала, как слышат про русалок, когда тебе семь лет, — как про сказку, в которую все взрослые немного верят. Её поминали в кабаках, когда хотели сказать «никогда»: «Да я тебе долг верну, когда Карту Семи Мелей найду!» Про неё пели — в «Пустом Якоре», после третьей кружки, песню про капитана, который нашёл Карту, прошёл Стену и вернулся оттуда с трюмом золота и с женой-русалкой, а потом проиграл и то, и другое в кости. Песня была длинная и глупая.

Говорили, что за Стеной Штормов — Западная Пустошь. Архипелаг, которого никто не видел. Острова, нетронутые четыреста лет, с лесами, с зерном, с пресной водой, с жемчугом в лагунах, который никто не добывает. Говорили, что там стоят затонувшие города — не людей, не русалок, а кого-то, кто был раньше. Говорили, что тот, кто откроет туда проход, станет богаче Короны.

Говорили, что через Стену нет прохода. Что это не стена, а настоящий вечный шторм, который никогда не кончается, и что все, кто пытался, — пропали.

Говорили, что проход есть. Семь мелей. Семь поворотов. И что карту этого прохода нарисовал кто-то давным-давно, ещё до Короны, и разорвал пополам, и одну половину спрятал на островах, а вторую... никто не знал, где вторая.

— Откуда она у тебя? — спросила Исса.

Мерро долго молчал. Дышал — со свистом, с бульканьем.

— Купил, — сказал он наконец.

— У кого?

— У человека. В Сальтмаре. — Он повернул голову к окну, к зелёному колышущемуся свету. — Полгода назад. Когда лекарь сказал, что мне год. Я подумал: что мне с деньгами делать? В гроб не положишь. А твой отец... — Он замолчал. Сглотнул. — Твой отец всю жизнь про неё говорил. Про Пустошь. Как выпьет — так про Пустошь. Что там зерна — хоть весь Бескрай корми. Что там никто не вешает за двадцать мешков. Мы с ним однажды до самой Стены дошли. Постояли. Посмотрели. И повернули. Не было карты.

— Сколько ты за неё отдал?

— Всё, — сказал Мерро просто. — Всё, что было. Домик на Кольце. Лодку. Долю в одной таверне. — Он усмехнулся. — Всё. Сорок лет контрабанды — и всё за полкарты.

Исса смотрела на него. Сорок лет контрабанды — это был не домик на Кольце, это было больше. Гораздо больше. Мерро всегда был удачлив. Она помнила.

Но она ничего не сказала. Он отдал всё — значит, всё. У человека, который умирает, не спрашивают, сколько у него было.

— Человек этот, — сказала она, — он сказал, где вторая половина?

Мерро повернулся к ней. И впервые за весь разговор в глазах его мелькнуло что-то, похожее на прежнего Мерро: хитрость, азарт, весёлая злость.

— Сказал, — прошептал он. — За отдельную плату. Я заплатил. — Он поманил её пальцем, и Исса наклонилась к самым его губам. От него пахло лекарством и смертью. — Восточное Крошево. Остров Крааль. Там храм на скале. Там островитяне. Те, которые морю молятся. Сумасшедшие. Вторая половина — у них.

Исса выпрямилась.

— Почему ты сам не поехал?

— Иссушка, — сказал Мерро ласково. — Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Вот поэтому, — сказал Мерро.

* * *

Они сидели ещё долго. Мерро рассказывал — про отца, про старые рейсы, про то, как они однажды вдвоём ушли от трёх коронных корветов, спрятавшись в стаде китов-паромщиков. Исса слушала. Пип сидел на полу у стены, обхватив колени, и слушал тоже — с открытым ртом. Гардт стоял в дверях. Неподвижно. Час. Два.

Потом Мерро заснул. На полуслове, посреди рассказа про корветы. Просто закрыл глаза — и дыхание у него стало ровнее, тише, без свиста.

Исса встала с ящика. Свёрток с картой она держала в руках. Постояла над койкой.

— Пошли, — сказала она тихо.

У двери она обернулась. Мерро лежал под одеялами, маленький, сухой, с открытым ртом. Пальцы — птичьи лапы — сжимали медный кругляш с Пряхой.

Он умер в ту же ночь. Старуха с трубкой прислала мальчишку-лодочника на рассвете. Мальчишка сказал: «Дед помер. Бабка велела передать, что за похороны заплачено. Он сам заплатил. Заранее». Исса дала мальчишке серебряную монету и долго стояла у фальшборта, глядя на город, который просыпался в утреннем тумане над лагуной, — на сваи, на крыши, на мачты, на первые лодки на каналах.

Она думала о том, что Мерро заплатил за похороны заранее. Что продал стулья. Что у него осталась только кровать — на ней помирать удобнее. И что за полкарты он отдал всё.

Сорок лет контрабанды.

* * *

Днём, когда на «Вдовьей Доле» отдыхала вахта, а Тибо уехал на берег «повидать кое-кого», Исса пошла на Водный рынок.

Она сама не знала зачем. Просто пошла. Взяла шлюпку, сама села на вёсла и поплыла по каналам к южной окраине города, туда, где сваи кончались и начиналась открытая лагуна.

Водный рынок был длинный, в полмили, — ряд прилавков, построенных прямо над водой на низких мостках. Прилавки были странные: без задней стенки, со стороны лагуны — открытые, с широкой ступенькой, уходящей в воду. Над каждым — навес из пальмовых листьев. На каждом — товар: жемчуг, раковины, коралл, губки, красная водоросль, из которой делают краску, сушёные морские звёзды, ещё что-то, чему Исса не знала названия.

А за прилавками, со стороны лагуны, в воде, стояли продавцы.

Аларии.

Их было немного. Десяток, может, полтора. Они стояли в воде по грудь — или, точнее, держались в воде вертикально, едва шевеля хвостами под бирюзовой поверхностью, — и опирались локтями на ступеньки прилавков. Торговались. С людьми. Спокойно, деловито, как торгуются рыбаки на любом рынке. Один — пожилой, с серо-зелёной чешуёй и белыми волосами, заплетёнными в косы, — спорил с толстым купцом из-за горсти тихого жемчуга. Купец

махал руками. Русал качал головой. Потом русал что-то сказал — Исса не слышала, что, — и купец вдруг засмеялся, хлопнул ладонью по прилавку и отсчитал монеты.

Исса сидела в шлюпке, в двадцати саженях, и смотрела.

Полгода. Полгода она не видела ни одного алария. Хотя нет — видела. Тени. Несколько раз за эти полгода, ночью, на отмелях, она замечала у борта «Вдовьей Доли» быструю тёмную тень, проплывающую под водой, — и тень уходила, не останавливаясь. Однажды, у Ржавой Косы, когда «Вдовья Доля» вышла к месту, где, как говорили, охотники держали сети, — сетей не оказалось. Кто-то их срезал. Все. Аккуратно, у самых поплавок.

И ещё — киты. Два раза. Издали. Серые спины на горизонте, столбы воды. Не близко. Но каждый раз, когда «Вдовья Доля» шла на опасных отмелях, где-то на краю видимости поднимался столб.

Исса не верила в долги. Она продолжала не верить. Но она заметила.

Пожилой русал за прилавком обернулся. Посмотрел через лагуну — прямо на неё, на шлюпку, на двадцать саженей. Глаза — тёмные, без белков. Он смотрел долго. Потом медленно, очень медленно наклонил голову — и чуть повернул её вбок.

Как волна, уходящая от берега.

Исса взялась за вёсла и повернула шлюпку назад, в каналы.

* * *

Тибо вернулся к вечеру, пьяный в меру и трезвый где надо.

— Капитанша, — сказал он с порога каюты, — ты знаешь, кто сейчас в Сальтмаре?

— Кто?

— Вейрон.

Исса подняла голову от карты. Половина Карты Семи Мелей лежала на столе рядом с её собственной, отцовской, и она весь вечер сравнивала их — береговую линию, острова, проливы.

— Вейрон Чёрный Трал? Из Пятёрки?

— Он самый. Стоит на внешнем рейде. «Гарпун» его, видела? Большой такой, чёрный, с белой мордой на носу. — Тибо сел на койку. — Сидит в «Золотой Устрице», это лиговый трактир, туда пиратов вообще-то не пускают. А его пустили. Пьёт. Хвастает.

— Чем?

Тибо посмотрел на неё одним глазом. Другим — на карту.

— Тем, — сказал он, — что едет на восток. В Крошево. На какой-то остров. За какой-то бумажкой. Которая сделает его богаче Короны.

Исса медленно положила ладонь на карту. Зубчатый край, оборванная линия. Семь поворотов.

— Когда он это сказал?

— Вчера. Позавчера. Всю неделю говорит, капитанша. С тех пор как пришёл.

Неделю.

Мерро позвал её вчера. А Вейрон хвастает неделю.

Исса сидела и смотрела на карту, и ей вдруг стало холодно — так же, как полгода назад в каюте, над письмом Крёйна. Сорок лет контрабанды за полкарты. «Сказал за отдельную плату». «Человек в Сальтмаре».

— Тибо, — сказала она, — найди мне, у кого Мерро её купил.

— Уже искал, капитанша. — Тибо вздохнул. — Нету. Как в воду. Старуха говорит — приходил какой-то, весь в тёмном, вежливый. Приходил два раза. Больше не приходил.

— Вежливый, — повторила Исса.

— Вежливый, — сказал Тибо. — В Сальтмаре все вежливые, капитанша. Это ничего не значит. — Он помолчал. — Но я бы на твоём месте поторопился.

Глава вторая

Чёрный Трал

Гавань Висельников гудела.

Исса услышала это ещё с моря, до того как Онно поднялся на борт у южных ворот. Ветер дул с берега, и вместе с запахом дыма, смолы и жареной рыбы он нёс голоса. Много голосов. Где-то пели. Где-то спорили так, что слышно было за полмили. Где-то колотили в железо — то ли ковали, то ли просто радовались.

— Это чего у них? — спросил Пип с салинга. — Праздник?

— Слух, — сказал Онно, поднимаясь по шторм-трапу. Трубку он держал в зубах. — У них слух, капитан. Самый большой за десять лет. Все с ума посходили.

— Какой слух?

Онно посмотрел на неё — снизу вверх, из своих солёных складок, — и ничего не ответил. Прошёл на нос, к новому бушприту, который Ханнек поставил весной, — дорогому, крепкому, из северного дуба, — встал на него, как раньше, и поднял руку.

— Ферс, лево, — сказала Исса.

Она знала, какой слух.

* * *

Слух был везде.

Он сидел в «Пустом Якорю» за каждым столом. Он ходил по причалам и стучался в каждый борт. Он торговался у лавки Ханнека за смолу, за пеньку, за новые паруса. Он пил ром у якоря с Кодексом, хлопал по спинам, хохотал, бил кружкой о кружку. Он назывался Пустошь.

За полгода, что прошли с тех пор, как «Вдовья Доля» вышла из южных ворот мимо лежащего на боку «Неуклонного» — фрегат сняли с мели через девять дней, стащив тремя коронными корветами, и с тех пор ни один коронный корабль к Гавани ближе чем на пять миль не подходил, — Исса стала в Гавани кем-то. Не капитаном Пятёрки, нет. Но её узнавали. С ней здоровались за руку. В «Пустом Якорю» ей наливали, не спрашивая. Песню про Зубы Старухи сложили через месяц, и она была почти такая же глупая, как песня про отца, только в ней никого не вешали.

Сейчас на неё смотрели иначе.

Она шла от причала к якорю — по привычке, как всегда, — и чувствовала взгляды. Не такие, как полгода назад. Тогда на неё смотрели с любопытством, с завистью, иногда с уважением. Сейчас — с чем-то другим. С жадностью. Как смотрят на человека, у которого в кармане что-то есть.

— Корвен!

Капитан «Ласточки», Рыжий Бенно, тот самый, что проиграл ей пятьдесят серебряных на спор про Зубы и до сих пор не отдал. Он сидел на бочке у лавки Ханнека и махал ей рукой.

— Корвен, правда, что у тебя полкарты?

Исса не остановилась.

— Правда, что Мерро помер? — крикнул Бенно ей в спину. — Правда, что он тебе её на смертном одре?..

Она не обернулась.

У якоря стояли люди. Человек тридцать — капитаны, боцманы, кто-то из лоцманов. Не случайно стояли — ждали. Исса это поняла сразу, по тому, как они расступились, давая ей пройти к железу, и как сомкнулись за её спиной.

Она положила ладонь на якорь. Железо было тёплым.

«Капитан равен капитану». «Взятое в бою делится при всех». «Кто продал брата — тот не брат».

— Капитан Корвен, — сказал кто-то сзади. Голос был знакомый, ленивый, глубокий, с бархатной хрипотцой, как у человека, который много пьёт хорошее вино и мало — плохое.

Исса обернулась.

* * *

Вейрона по прозвищу Чёрный Трал она видела раньше, конечно. Его видели все. Он был в Пятёрке шесть лет — дольше всех, кроме Старого Гроана. У него было два корабля: «Гарпун», большой, чёрный, трёхмачтовый, бывший коронный бриг, взятый на abordаж ещё тогда, когда Исса училась держать саблю, и второй, поменьше, — «Сеть». Названия говорили сами за себя. Вейрон охотился. На всё, что плавало и стоило денег. На купцов Лиги, на коронные транспорты, на островитянские катамараны с урожаем. И на русалок.

В Братстве на русалок охотились многие. Не все — но многие. Это не было запрещено ни одной статьёй Кодекса. Сердечная жемчужина стоила полкорабля, и капитаны, у которых было много ртов и мало денег, ходили на южные отмели с сетями так же, как ходили на купцов. Исса не ходила никогда. Не из принципа. Просто не ходила. Ей это было противно, как противно бывает есть некоторую рыбу, — не объяснишь почему, просто противно.

Вейрон ходил. Говорили, что на счету у «Гарпуна» больше сердечных жемчужин, чем у любого другого корабля в Братстве. Говорили, что он носит одну из них на шее — самую первую, не продал. Исса посмотрела. На шее у Вейрона, в распахнутом вороте чёрной шёлковой рубахи, на серебряной цепочке, действительно висела жемчужина. Большая. Тусклая. Мёртвая.

Сам Вейрон был высок, плечист, красив той красотой, которая с годами становится тяжелой, — лет сорока пяти, с чёрной бородой, заплетённой в две короткие косицы и перехваченной серебряными кольцами, с чёрными же, чуть тронутыми сединой волосами, стянутыми на затылке. Глаза — тёмные, весёлые, внимательные. На боку — сабля. Хорошая, салтьмарской работы, с гардой в виде переплетённых рыб. Исса видела однажды, как он ею работал — на суде капитанов, три года назад, когда один из молодых решил оспорить его место в Пятёрке. Молодой прожил после этого неделю, и то потому, что Вейрон бил не насмерть.

— Капитан Вейрон, — сказала Исса.

— Слышал, ты из Сальтмара, — сказал Вейрон. Он стоял, заложив большие пальцы за пояс, расставив ноги, и улыбался. — Я тоже. Мы, наверное, разминулись. Жаль. Выпили бы.

— Наверное.

— Слышал, ты была у старого Мерро. Перед тем, как он помер.

— Была.

— Хороший был человек, — сказал Вейрон. — Я с ним однажды ходил. Давно. Он мне рассказывал про твоего отца. — Вейрон помолчал. Улыбка у него не изменилась. — И про Пустошь. Твой отец, говорят, всё про Пустошь мечтал.

Исса молчала. Вокруг молчали тоже. Тридцать человек — и никто не дышал.

— Ладно, — сказал Вейрон. — Хватит кругами ходить, как акула. Я тебе скажу прямо, Корвен, при всех. У тебя полкарты. Мерро тебе отдал. Все знают.

— Все, — повторила Исса.

— Все. — Вейрон развёл руками. — Гавань, Корвен. Тут ничего не скроешь. — Он шагнул ближе. — Я тебе предлагаю. Продай мне. Я дам хорошую цену. Очень хорошую. Ханнеку заплатишь за год вперёд. Команде — за два. Себе новый корабль купишь. Не латаный.

— Нет.

— Тогда давай вместе. — Он не моргнул. — Твоя карта, мой «Гарпун». У меня сорок пять человек, две баллисты по каждому борту, трюм — втрое против твоего. Вдвоём пойдём. Пополам.

— Нет.

Вейрон помолчал. Улыбка у него стала чуть уже.

— Корвен, — сказал он мягко. — Ты не понимаешь. Я не прошу. Я тебе даю шанс. Полкарты — это ничто. Это бумажка. Ты с ней до Стены дойдёшь — и встанешь. Потому что вторая половина у тебя где?

Исса молчала.

— Не знаешь, — сказал Вейрон. Он улыбнулся шире. — А я знаю.

Тишина вокруг якоря стала совсем плотной.

— Восточное Крошево, — сказал Вейрон громко, чтобы слышали все. — Остров Крааль. Храм на скале. У сумасшедших, которые морю молятся. — Он подмигнул. — Вот где.

* * *

Исса не изменилась в лице. Она этому научилась — за полгода, за Брамма, за Осселя, за Крэйна, которого никогда не видела, но чьё письмо помнила наизусть. Лицо у неё осталось спокойным. Только шрам на скуле натянулся и занял.

Мерро заплатил за это «отдельную плату». Из последних денег. Мерро шептал ей это на ухо, как великую тайну.

А Вейрон кричал это у якоря, на всю Гавань.

— Откуда знаешь? — спросила она.

— Добрый человек сказал. — Вейрон пожал плечами. — В Сальтмаре добрых людей много.

— Вежливый? — спросила Исса. — В тёмном?

Вейрон посмотрел на неё внимательно. Улыбка на мгновение исчезла с его лица — совсем, — и Исса увидела под ней что-то другое. Холодное. Быстрое. Считающее. Потом улыбка вернулась.

— Какая разница, Корвен, — сказал он. — Знаю — и всё. А ты знаешь? Ты-то знала?

Исса не ответила. Вейрон понял. Засмеялся — громко, раскатисто, на всю Гавань.

— Знала! — сказал он. — Знала, ах ты... Мерро тебе тоже сказал! Ну старый лис! — Он хлопнул себя по бедру. — Значит, так, Корвен. Слушай меня. Я иду на Крааль. Через три дня, как Ханнек закончит с «Гарпуном». Ты тоже идёшь — я вижу. Значит, мы идём наперегонки. — Он развёл руки, обращаясь ко всем вокруг. — Слышали? Наперегонки! Кто первый возьмёт вторую половину — тот и откроет Пустошь!

Вокруг загудели. Кто-то засвистел. Кто-то крикнул: «Ставлю на Вейрона!» Кто-то ответил: «Ставлю на Корвен, она Зубы прошла!» Кто-то начал собирать ставки — прямо на крышке бочки у лавки Ханнека, мелом.

— А когда я возьму вторую половину, — сказал Вейрон, снова поворачиваясь к Иссе, тише, — я приду к тебе за первой. И ты мне её отдашь. Потому что одна половина без другой — это ничто. А две — это Пустошь. И тогда я дам тебе цену. Уже не такую хорошую. — Он улыбнулся. — Подумай, Корвен. Ещё есть время.

— Капитан равен капитану, — сказала Исса.

Вейрон поднял бровь.

— Первая статья, — сказала Исса. — Ты в Пятёрке. Я — нет. Но на Краале нет Пятёрки. На Краале есть только два капитана. И кто первый — тот первый.

Вейрон смотрел на неё долго. Потом медленно кивнул — уважительно, почти ласково, как кивают сопернику перед дуэлью.

— По Кодексу, — сказал он.

— По Кодексу.

* * *

Вечером в каюте «Вдовьей Доли» собрались все. Гардт на койке. Тибо на краю стола. Ферс у двери — стоя, он всегда стоял. Орвен на стуле, прямо, с тетрадью на коленях — он теперь носил её с собой всегда. Нима на полу у стены, с мотком верёвки в руках. Пип — у её ног, на корточках, потому что больше места не было.

На столе лежали две карты. Отцовская — и половина Карты Семи Мелей.

— Значит, он знает, — сказал Гардт.

— Знает.

— Откуда?

— Тот же человек, что продал Мерро, — сказала Исса. — Вежливый. В тёмном. Продал Мерро полкарты и тайну про Крааль. А потом продал Вейрону тайну про Крааль. Без карты.

— Зачем? — спросил Пип.

— Чтобы мы побежали, — сказал Тибо. Он болтал ногой, сидя на краю стола, и смотрел на карту одним глазом. — Наперегонки. Два капитана бегут к одному острову. Один — с картой, другой — с кораблём побольше. Кто-то из двух добежит. Кто-то возьмёт вторую половину. И тогда вежливый человек в тёмном...

Он не договорил. Не надо было.

— Это Сальт, — сказала Исса.

Все посмотрели на неё.

— Капитанша, — сказал Тибо осторожно, — мы этого не знаем.

— Знаем. — Исса положила ладонь на половину карты. — Мерро сказал — человек в Сальтмаре. Старуха сказала — вежливый. Вейрон сказал — добрый человек в Сальтмаре. В Сальтмаре один дом торгует картами. И один дом торгует тайнами. Это один и тот же дом.

— И ты всё равно пойдёшь? — спросил Гардт.

Исса посмотрела на него. Гардт сидел на койке, огромный, тяжёлый, и смотрел на неё из-под седых бровей, как смотрел двенадцать лет. Не спорил. Спрашивал.

— Да, — сказала она.

— Это ловушка.

— Может быть.

— Ты знаешь, что это ловушка.

— Знаю, Гардт.

— И пойдёшь.

— Пойду.

Гардт помолчал. Потом покачал головой — медленно, тяжело — и посмотрел на остальных. На Тибо, на Ферса, на Орвена. Как будто спрашивал: «Вы видите? Вы это видите?»

— Почему? — спросил он наконец.

Исса долго не отвечала. Она смотрела на карту — на оборванную линию через Стену Штормов, на семь поворотов, на закорючки, похожие на волны. На зубчатый край, за которым не было ничего.

Почему? Потому что отец всю жизнь мечтал. Потому что Мерро отдал за неё сорок лет контрабанды. Потому что за Стеной, говорят, зерно, и леса, и никто не вешает за двадцать мешков. Потому что Вейрон кричал у якоря и вся Гавань ставила мелом на бочке. Потому что Сальт думает, что она побежит, — и она побежит, но не туда, куда он думает. Может быть.

Потому что это было самое безумное, что она могла сделать. А она любила безумное.

Этого она не могла сказать. Это не было расчётом.

— Потому что если не пойду я, — сказала она, — пойдёт Вейрон. И Вейрон возьмёт вторую половину. И придёт за первой. И я её не отдам. И тогда будет суд капитанов, и Пятёрка решит в его пользу, потому что он в Пятёрке. — Она подняла глаза. — А если пойду — у меня есть шанс. Маленький. Но есть.

Гардт смотрел на неё. Тибо смотрел на неё. Все смотрели.

— Капитанша, — сказал Тибо, — это очень хорошее объяснение. Очень складное. Я бы сам лучше не придумал.

— Спасибо.

— Только это не настоящее.

Исса посмотрела на него. Тибо улыбался — своей вечной ухмылкой, — но правый глаз у него был серьёзный.

— Ты просто хочешь туда, — сказал Тибо. — За Стену. Ты всегда хотела. Ты смотришь на эту штриховку, как Гардт на бочку с ромом.

Гардт хмыкнул. Нима у стены тихо фыркнула — Исса впервые за неделю услышала, чтобы Нима засмеялась. Пип прыснул в кулак.

Исса почувствовала, как у неё горят уши.

— Выходим через два дня, — сказала она резко. — Раньше Вейрона. Это не обсуждается.

Никто и не обсуждал. На «Вдовьей Доле» капитан не спрашивала, а говорила, и все это знали. Но и молчать никто не стал.

— А я чего? Я за, — сказал Тибо, поймав её взгляд. — Я в Крошеве не был никогда. Говорят, там крабы с меня ростом. Я бы из такого краба суп сварил — на всю команду на неделю.

Нима у стены не подняла головы.

— Крошево далеко, — сказала она тихо. — Три недели. Через открытое море. Там шторма в это время. Летние. Короткие, но злые.

— Ты против? — спросила Исса.

Нима подняла глаза. Светлые, почти белые.

— Нет, — сказала она. — Я не против. Я... — Она замолчала. Пальцы у неё замерли на верёвке. — Я просто говорю. Там шторма.

Орвен посмотрел на карту. Долго. Потом сказал:

— Островитяне Крошева, полагаю, знают о море больше, чем все остальные народы Бескрая, вместе взятые. Это было бы... поучительно.

Ферс ничего не сказал. Он просто кивнул — один раз, — и это значило, что паруса будут готовы.

Остался Гардт.

Он сидел на койке и не двигался. Смотрел на карту. Потом на Иссу.

— Капитан, — сказал он. — Я скажу. Один раз. Это ловушка. Сальт тебя ведёт, как рыбу на крючке. И Вейрон — не дурак. У Вейрона «Гарпун». У Вейрона сорок пять человек. — Он помолчал. — И Вейрон охотник. Он на рыбу ходит. Ты знаешь.

— Знаю.

— Ну вот, — сказал Гардт. — Я сказал.

Он встал, пригнувшись под низким потолком, и пошёл к двери. На пороге остановился.

— Пеньки надо взять больше, — сказал он, не оборачиваясь. — И парусины. Там, говорят, рвёт.

И ушёл. Исса смотрела ему вслед и думала, что за двенадцать лет Гардт ни разу не сказал «да». Он говорил «пеньки надо взять больше».

* * *

Ночью, когда все разошлись, она осталась в каюте одна. Сидела над картами. Потом отодвинула их и достала из ящика стола маленький кожаный мешочек.

В мешочке лежала жемчужина.

Тёмно-синяя. С серой искрой в глубине. Тёплая, как кожа. Дышащая — вдох, выдох, — медленно, ровно, сама по себе.

Полгода. Полгода Орвен приходил каждое утро, садился у стола, доставал тетрадь и смотрел. Полгода он записывал одно и то же: «Цвет — без изменений. Тепло — без изменений. Ритм — без изменений». Исса однажды, не удержавшись, заглянула и пересчитала: сто восемьдесят записей. Одинаковых. Как будто он ждал, что когда-нибудь будет по-другому, — и боялся этого.

Она положила жемчужину на ладонь. Смотрела на неё.

Крааль. Восточное Крошево. Три недели через открытое море, через летние шторма. Вейрон на «Гарпуне» — охотник, на шее мёртвая сердечная жемчужина. Сальт где-то в Сальт-маре, за своими окнами со стёклами. Вежливый человек в тёмном.

И Стена Штормов. И за ней — Пустошь.

— Ну, — сказала она жемчужине. — Ты-то что думаешь?

Жемчужина дышала. Вдох. Выдох. Тёмно-синим, как вода над течением.

Исса убрала её в мешочек, мешочек — в ящик и легла спать. И, засыпая, вдруг подумала — сама не зная почему, — что русал, наверное, тоже сказал бы, что это ловушка. И тоже — насмешливо, точно, подбирая слова с удовольствием — спросил бы: «И ты всё равно пойдёшь?»

И она ответила бы ему то же самое.

Глава третья

Он

На учебном корабле Инквизиции её звали Сорок Седьмая.

Не Нима. Нимой её назвала мать, на Кольце, в рыбацкой деревне, где у каждой лодки было имя, у каждой сети было имя и даже у старой козы на соседском дворе было имя — Бородавка. Сорок Седьмой её назвал человек в сером, который пришёл в деревню осенью, когда ей было десять, и поставил на землю у порога мешок с зерном. Мешок был большой. Хлеб в деревне ели по праздникам. Мать плакала, но мешок взяла.

Человек в сером посадил её в лодку и, пока они плыли к кораблю, сказал: «Имя больше не нужно. Имя — это для людей. А ты теперь инструмент. У инструментов номера». Он не был злым. Он говорил это так, как говорят о погоде.

Четыре года. Четыре года учебный корабль «Послушание» ходил вдоль Северного Венца, от фермы к ферме, и на его нижней палубе, в тесном кубрике без иллюминаторов, жили сорок восемь детей с номерами. Их учили держать ветер. Не тянуть — держать. Тянуть умели все — это было в крови, иначе бы их не купили. Держать — то есть брать ровно столько, сколько велено, и не больше, и отпускать, когда велено, и не раньше, — этому учили годами. Учили с жемчугом. На шее у каждого висел амулет — тихая жемчужина в серебряной оправе, — и, когда ветер в руках начинал вырываться, амулет разогревался и жёг кожу. Не сильно. Но каждый раз. Пока не привыкнешь брать меньше.

Ещё их учили не говорить. Ветроплёт, который говорит, — это ветроплёт, который думает. Ветроплёт, который думает, — это ветроплёт, который однажды решит, что ветер его, а не Короны.

Нима научилась не говорить лучше всех. Это было легко. Она и дома говорила мало.

Наставника их звали мастер Кель. Ему было тридцать восемь лет. Он был ветроплётом Короны с двенадцати, двадцать шесть лет носил на шее жемчуг, и он был добрый — насколько вообще можно быть добрым на учебном корабле Инквизиции. Он никогда не кричал. Он иногда приносил им в кубрик яблоки. Он называл их по номерам, но ласково, как зовут кошек.

А потом, на четвёртый год, мастер Кель начал слышать.

Сначала он просто замирал. Посреди урока, посреди фразы — замирал, поворачивал голову, будто кто-то позвал его по имени из другой комнаты. Потом начал отвечать. Шёпотом. Непонятно кому. Потом однажды ночью Нима проснулась от того, что он стоял посреди кубрика, босиком, в одной рубашке, и смотрел вниз, в доски палубы, — туда, где под ними был трюм, а под трюмом — море. И говорил: «Да. Да. Я слышу. Я иду». И из глаз у него текли слёзы.

Утром его увели. Двое в сером. Под руки. Он не сопротивлялся. Он улыбался.

Нима сбежала через неделю. В порту, на Ржавой Косе, когда «Послушание» встало на погрузку. Перелезла через фальшборт ночью и поплыла. Плыть было далеко, вода была холодная, и она всё время думала, что утонет. Но не утонула. Ветер помог. Она его не звала. Он пришёл сам.

Амулет она сорвала с шеи на берегу и бросила в воду. Три года потом пряталась по портам — Ржавая Коса, Рыбья Коса, Сальтмар. Воровала, побиралась, спала под сваями. И ни разу, ни разу за эти три года не тянула ветер. Даже когда было очень нужно. Даже когда было очень холодно. Она знала, что будет, если потянет. Она видела мастера Келя. Она видела его улыбку.

Потом была бочка с отбросами в Сальтмаре и женщина с саблей, которая сказала: «Ну? Есть хочешь? Или так и будешь рыбы головы жевать?»

* * *

Шторм пришёл на девятнадцатый день.

Нима почувствовала его за сутки. Он ещё был далеко — где-то на юго-востоке, за горизонтом, над открытой водой, — но ветер уже стал другим. Нервным. Он дул ровно, с запада,

попутный, хороший, — но под этой ровностью Нима слышала дрожь. Как у собаки, которая сидит спокойно, а шерсть на загривке стоит.

— Капитан, — сказала она утром.

Капитан стояла у штурвала. Она обернулась.

— Завтра, — сказала Нима. — С юго-востока. Большой.

Капитан посмотрела на юго-восток. Там было ясное синее небо и ровная синяя вода. Ничего.

— Насколько большой?

Нима не знала, как сказать. Она никогда не умела говорить такие вещи. Она подумала.

— Он злой, — сказала она. — Очень. Он долго шёл по открытой воде и ни во что не упирался. Ему надоело.

Капитан посмотрела на неё. Потом на карту, придавленную к штурвальной тумбе медными гирьками. До Крошева оставалось три дня. Справа, на юге, в двух днях, были Отмели. Слева, на севере, — ничего. Открытая вода. Впереди — Крошево: тысячи островов и скал, рассыпанных по морю, как крошки по столу.

— Уйти можем? — спросила капитан.

— Нет, — сказала Нима. — Он быстрее.

— Тогда встречаем, — сказала капитан. — Ферс, убрать верхние. Гардт — штормовые паруса. Всё крепить. Всё, что может упасть, — крепить. Пип — проверь люки. — Она снова посмотрела на Ниму. — Спасибо.

Нима кивнула и ушла на свою бухту у грот-мачты. Села. Взяла в руки верёвку. Пальцы сами начали вязать: беседочный, шкотовый, беседочный.

Она не говорила капитану главного. Она сама не знала, как это сказать.

Шторм был злой, да. Но не это было главное. Главное — он шёл не просто так. Он шёл туда, куда шли они. На Крошево. Нима это чувствовала: ветер под ровной западной поверхностью тянул на восток, как течение тянет щепку, — и шторм шёл по той же дороге. Будто его кто-то звал. Будто там, на Крошеве, что-то было, к чему тянуло всё — и ветер, и шторм, и их.

Это было глупо. Ветер никто не зовёт. Ветер приходит сам.

Она связала узел и затянула его так, что верёвка скрипнула.

* * *

Он пришёл на следующий день, после полудня.

Сначала — небо. Над юго-восточным горизонтом встала стена. Не туча — именно стена: ровная, тёмно-серая, почти чёрная, от воды до самого верха неба, и верхний край её загибался вперёд, как гребень огромной волны, которая вот-вот обрушится. В стене, глубоко внутри, вспыхивало — беззвучно, бело, как будто там кто-то чиркал огнём. Потом — звук. Низкий гул, на одной ноте, от которого дрожали снасти.

Потом пришёл ветер.

Он ударил разом, без предупреждения, с юго-востока, в правый борт — и «Вдовья Доля» легла на левый так, что подветренный фальшборт ушёл под воду, и по палубе хлынуло море. Нима, сидевшая на бухте, вцепилась в грот-мачту обеими руками. Мимо неё, по кривой палубе, проехал кто-то из матросов — проехал на спине, кувыркаясь, — и врезался в ванты у подветренного борта, и повис на них. Где-то наверху лопнуло — громко, как баллиста, — и над головой у Нимы, хлопая, мотаясь, полетел оторванный кусок штормового стакселя.

— Ферс! — кричала капитан. — Под ветер! Под ветер уходи!

Шхуна выпрямилась. Медленно, тяжело, стряхивая воду с палубы, — выпрямилась и развернулась кормой к ветру. Ветер толкнул её в корму, и она пошла. Быстро. Слишком быстро. Под одним штормовым гротом, под голыми мачтами, она неслась перед ветром, как лист перед метлой, и волны, огромные, серо-зелёные, с белыми гребнями, догоняли её сзади, поднимали корму, проносились под днищем и уходили вперёд.

Дождь. Не дождь — вода. Она шла стеной, горизонтально, в лицо, в глаза, в рот, и ничего не было видно дальше бушприта.

Нима сидела у мачты и держалась. И слушала.

Он был злой. Он был огромный. Он ревел над палубой, рвал снасти, хлестал водой, и Нима слышала в этом рёве — не словами, а как слышат музыку, — его ярость. Он долго шёл по открытой воде. Ему надоело. И теперь он упёрся во что-то — в них, в шхуну, в эти маленькие мачты, — и он хотел это сломать. Не со злобы. Просто потому, что мог.

Она его не трогала. Она держала руки на мачте. Она даже не думала о том, чтобы тронуть.

* * *

Сколько это длилось, Нима потом не могла сказать. Час. Три. Время в шторме не идёт — оно стоит, а шторм идёт сквозь него.

Потом в рёве ветра она услышала другой звук.

Низкий. Ровный. Бесконечный. Как будто где-то совсем близко, впереди, кто-то огромный бил в огромный барабан. Бум. Бум. Бум.

Прибой.

Нима подняла голову. Дождь хлестал в лицо. Ничего не было видно. Но она слышала — и слышала, что слышит не одна. На юте, у штурвала, капитан тоже подняла голову. И Гардт — он стоял у грот-мачты, совсем рядом, обвязавшись концом поперёк пояса, — тоже.

— Берег! — закричал Пип откуда-то с бака. Тонко, в ужасе. — Берег, капитан! Прямо по носу! Скалы!

Нима увидела.

Дождь на мгновение разошёлся — как занавес, — и там, впереди, в полумиле, может, меньше, поднималось из моря чёрное. Скалы. Высокие, отвесные, мокрые. И у их подножия — белое. Пена. Огромная, кипящая, на целую милю в обе стороны. Волны били в скалы и взлетали вверх, на двадцать, на тридцать саженей, и падали обратно, и снова взлетали.

Крошево. Внешние острова. Они дошли. Шторм пригнал их на три дня раньше. Прямо на скалы.

— Ферс! — закричала капитан. — Лево! Лево на борт! Уходим вдоль!

Шхуна дёрнулась. Начала поворачивать. Медленно. Слишком медленно. Ветер толкал её в корму, волны поднимали и швыряли вперёд, и каждая волна приближала скалы на десять саженей, на двадцать. Нима видела, как капитан и Ферс вдвоём наваливаются на штурвал. Видела, как шхуна поворачивается — на румб, на два, — ложится на бок, и следующая волна бьёт её в борт, и она снова выпрямляется кормой к ветру. Носом к скалам.

Она не уйдёт, поняла Нима. Против этого ветра — не уйдёт. Ни под каким парусом. Ни с каким рулевым.

Скалы росли. Бум. Бум. Бум.

* * *

Нима отпустила мачту.

Потом она не могла вспомнить, когда решила. Она не решала. Руки просто разжались сами — так же, как три года назад, у Ржавой Косы, сами разжались, отпуская фальшборт «Послушания», когда она прыгнула в холодную воду. Она даже не думала. Она встала — на косой, мокрой, ходящей ходуном палубе, — расставив ноги, как учил Гардт Пипа, колени мягкие, вес вниз, — и закрыла глаза.

Он был везде. Вокруг. Над ней. В ней.

Огромный. Злой. Бесконечный. Он ревел, и она чувствовала этот рёв не ушами — кожей, костями, зубами, корнями волос. Волосы у неё поднялись. Все разом. Встали дыбом вокруг головы, и она почувствовала, как по ним, по каждому волоску, пробегают колючие искры, — и где-то совсем рядом кто-то закричал. Пип, наверное.

Она не стала его держать. Его нельзя было держать. Мастер Кель учил держать, и амулет жёг кожу, и они держали — маленькие ветры, послушные, домашние, на учебной площадке у Северного Венца. Этот было не удержать. Его можно было только...

Позвать.

Она позвала.

Не словами. Не голосом. Она не знала, чем. Чем-то внутри, глубоко, под рёбрами, слева, — там, где у неё, она знала это с десяти лет, всегда было тепло, когда ветер был рядом. Она открыла это место. Совсем. Впервые в жизни — не вполсилы, не на пробу, не чуть-чуть, как тогда в Зубах Старухи. Совсем. Настежь. Как дверь в бурю.

И сказала — не словами — то, что всегда хотела сказать ему и никогда не смела:

«Я тебя слышу. Я тебя знаю. Иди ко мне».

И он пришёл.

* * *

Исса видела это. Все видели.

Нима стояла у грот-мачты, одна, без страховки, на палубе, по которой перекачивалась вода, — маленькая, тонкая, в мокрой рубаше, облепившей плечи, — и вокруг её головы стояло облако. Серебряное. Светящееся. Волосы — пепельные, мокрые, они должны были лежать, прилипнув к голове, — стояли дыбом, и по ним бегали искры. Голубые. Белые. Тонкие, как паутина, светящиеся нити бежали от её волос вверх, к мачте, к гроту, к штормовому парусу, — и парус светился тоже. По всем швам. По всем кромкам. Как будто его обшили огнём.

И грот наполнился.

Не так, как наполнялся минуту назад, — ветром, бьющим в корму. По-другому. Полотнище вывернулось. Хлопнуло — раз, громко, как удар бича, — и выгнулось в другую сторону. Против шторма. Ветер, который только что гнал их на скалы, вдруг — Исса видела это, чувствовала это ладонями на штурвале — вдруг стал другим. Не утих. Не сменился. Он остался тем же — злым, огромным, ревущим. Но теперь он дул не в корму, а в бок. Сбоку. Слева. Как будто кто-то взял весь этот шторм в руки и повернул.

«Вдовья Доля» легла на правый борт. Глубоко, страшно. И пошла. Вдоль скал. Не к ним — вдоль. Быстро. Так быстро, как она не ходила никогда, даже на лучшем ветре. Под одним штормовым гротом, светящимся по швам. Пена у скал проносилась мимо по левому борту — в двух кабельтовых, в полутора, в одном — белая, кипящая, ревущая, и брызги долетали до палубы, — но они шли мимо. Мимо.

Исса держала штурвал рядом с Ферсом и смотрела на Ниму.

Нима стояла с закрытыми глазами. Лицо у неё было белое — совсем, как бумага. Губы шевелились. А на лице — Исса это видела, и никогда потом не могла забыть — на лице у неё было выражение, которого Исса никогда у неё не видела.

Счастье.

* * *

Скалы кончились через четверть часа. Последний чёрный утёс промелькнул по левому борту и ушёл назад, и за ним открылся пролив — широкий, тёмный, с кипящей водой, — а за проливом, за мысом, лагуна. Тихая. Закрытая со всех сторон. Шторм бил в мыс, ревел над ним, но в лагуну не заходил.

«Вдовья Доля» влетела в пролив, пронеслась через него и вылетела в лагуну. И остановилась — сама, разом, будто её схватили под уздцы.

Грот обвис.

Искры на швах погасли.

Нима открыла глаза. Посмотрела вокруг — медленно, как человек, который проснулся и не понимает, где он. Посмотрела на лагуну. На скалы. На шторм, ревущий за мысом. На свои руки.

Волосы у неё медленно опустились. Легли на плечи. Мокрые.
Потом у неё подогнулись колени, и она села на палубу.

* * *

Первым к ней подбежал Пип. Он скатился откуда-то с бака — Исса не видела, откуда, — и упал на колени рядом, и схватил её за плечи, и тряс, и говорил что-то, быстро, захлёбываясь, и Исса не сразу поняла, что Пип говорит не на коронном. Он говорил на своём. Островитянском. Тихо, певуче, с придыханием на гласных. Слова лились из него сами — он, кажется, сам не замечал. Нима не понимала ни слова. Но она подняла руку и положила её Пипу на голову, как Исса клала ей.

Гардт стоял у грот-мачты. Он так и не отвязался. Он стоял, держась за конец, обвязанный вокруг пояса, и смотрел на Ниму. На маленькую девушку, сидящую на мокрой палубе. На серебряную пыль, ещё оседающую с паруса.

Потом он медленно поднял правую руку. Коснулся лба. Грудь. Левого плеча. Правого. Знак Кормчего — тот, что делают в шторм, когда просят провести мимо камней. Исса видела, как Гардт делает его. Много раз. Перед боем. В Зубах. На отмелях.

Но никогда — после.

Он опустил руку. Взялся за деревянную фигурку на шее. Сжал. И отпустил. Ничего не сказал.

Исса отдала штурвал Ферсу и пошла к ним.

* * *

Нима сидела, уронив голову на колени. Пип, всё ещё всхлипывая, обнимал её за плечи. Исса присела рядом.

— Нима.

Нима не подняла головы.

— Нима. Посмотри на меня.

Нима подняла. Глаза у неё были красные, мокрые — от дождя, от слёз, Исса не знала. Губы — белые.

— Я не вполсили, — сказала Нима. Шёпотом. — Капитан. Я не вполсили.

— Я видела.

— Я его позвала. Совсем. Я не держала. Я... — Она запнулась. — Я никогда так не делала. Никогда. Нам нельзя было. Мастер Кель говорил, что если позвать совсем — назад не отпустишь. Что он войдёт и не выйдет.

— Он вышел?

Нима долго молчала. Прислушивалась — Исса видела, — к чему-то внутри себя.

— Вышел, — сказала она наконец. — Он ушёл. Он... он не злой, капитан. Он просто большой. Ему было одиноко. — Она вдруг засмеялась. Тихо, сипло, с всхлипом. — Ему было одиноко, а я его позвала, и он обрадовался. Вот и всё. Вот и всё.

Исса не знала, что на это сказать. Она положила руку Ниме на голову. Волосы под ладонью были мокрые, тяжёлые. Не трещали.

— Ты нас спасла, — сказала Исса.

Нима посмотрела на неё. И Исса увидела в её глазах — за слезами, за усталостью, за счастьем, которое всё ещё не ушло, — страх. Старый, глубокий, привычный, как шрам.

— Капитан, — сказала Нима. — Это было видно. Издалека. Я знаю. Когда так тянешь — это видно. Искры. Свет. На учебном корабле нам говорили: настоящего ветроплёта видно за пять миль в ночном шторме. Как маяк.

— Здесь никого не было.

— Вы не знаете, — сказала Нима. — Вы не видели. Был дождь.

* * *

Орвен пришёл последним. Он спустился из своей кладовой под баком — Исса не знала, где он был весь шторм, — в мокрых очках, с мокрыми волосами, с кружкой чего-то горячего и дымящегося в руках. Опустился на колени рядом с Нимой. Поднёс кружку к её губам.

— Пейте, — сказал он. — Медленно.

Нима отпила. Скривилась.

— Горькое.

— Должно быть горьким. — Он подождал, пока она отопьёт ещё. Потом взял её руку — тонкую, белую, ледяную — и долго держал, прижав два пальца к запястью. Считал. Губы у него беззвучно шевелились.

— Мастер Орвен, — сказала Исса. — Что с ней?

— Ничего, капитан. Устала. Это пройдёт. — Он отпустил запястье. Помолчал. Потом сказал — не Иссе, а Ниме, тихо, очень тихо, почти не разжимая губ: — Никогда не носите жемчуг. Никакой. Ни амулетов, ни камней, ни бус. Никогда. Вы поняли?

Нима посмотрела на него. Долго. Своими светлыми, почти белыми глазами — в его тёмные стёкла.

— Я знаю, — сказала она. — Я видела, что бывает.

Орвен кивнул. Медленно. Поднялся с колен. И Исса увидела — мельком, на мгновение, — что руки у него дрожат. Так же, как полгода назад, когда он просил разрешения изучать жемчужину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.